

© 2004 г. Е.В. РАХИЛИНА, И.А. ПРОКОФЬЕВА

РОДСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ: РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ*

ВВЕДЕНИЕ

Для типологии главный интерес представляют повторяющиеся свойства естественных языков: они свидетельствуют о существовании языковых универсалий. Общепринято, что выборка языков, ориентированная на решение такой задачи, должна быть, во-первых, достаточно велика (от нескольких десятков до нескольких сотен языков), а во-вторых, достаточно разнообразна: например, никакие языки из этой выборки не должны состоять в близком родстве (см. [Bybee 1985; Bybee et al. 1994] и др.). Понятно, что типологи избегают близкородственных языков, опасаясь, что значения изучаемых признаков окажутся в них одинаковыми за счет изначального сходства языковых единиц, а не ввиду независимого действия универсальных принципов. Но не обедняет ли такая избирательность типологические исследования в каком-то другом отношении? Время от времени сомнения такого рода возникают и даже обсуждаются среди самих типологов. Например, в работах [Кибрик 1992; Kibrik 1998] защищается мысль, что результаты сопоставления родственных языков могут быть не просто релевантны, но и очень важны для типологии. Аргументируя свою позицию, А.Е. Кибрик приводил материал грамматики и синтаксиса, однако, как кажется, в еще большей степени, чем по отношению к грамматике и синтаксису, это утверждение верно применительно к лексике и к такой специальной и малоизученной области типологии, как лексическая, или семантическая типология. В нашей статье речь пойдет именно о ней.

Естественно, что лексическая типология – точно так же, как и фонетическая, морфологическая или синтаксическая – изучает повторяющиеся в разных языках параметры или системы параметров. Специфика этой области лингвистических исследований состоит в том, что она утверждает повторяемость параметров, которые непосредственно, в отличие от звуков, грамматических показателей или синтаксических конструкций, не наблюдаемы: они могут быть выявлены только в ходе глубокого семантического изучения лексики разных языков в сопоставительном плане.

Ввиду сложности проблемы, лексическая типология (в особенности по сравнению с грамматикой и синтаксисом) почти не имеет истории вопроса. Разумеется, нельзя не упомянуть здесь пионерские работы А. Вежбицкой ([Wierzbicka 1991; 1992] и др.), которые, впрочем, ориентированы в большей степени на этнолингвистику, чем на собственно типологию: акцент в работах Вежбицкой делается, скорее, на культурную специфику лексики, чем на ее сопоставимость в разных языках. В том же ключе выполнены и немногие работы лингвистов отечественной школы, прежде всего, А.Д. Шмелева, ср. [Шмелев 2002]¹.

* Исследование поддержано грантом РГНФ 02-04-00303а.

¹ Особняком стоят сопоставительные исследования лексики в диахроническом плане (ср. [Дыбо 1996; Зализняк 2002]), нас в этой работе будет интересовать исключительно синхронный срез лексических систем.

Традиционным примером уже разработанного системного описания лексики в типологическом плане считается – начиная со знаменитой работы [Berlin, Kay 1969] – поле цветообозначений. Действительно, библиография лингвистических исследований, касающихся названий цветов, огромна. Но цвета – с точки зрения лексической типологии – пример непоказательный: семантика цвета устроена иначе, чем семантика любого другого поля. Дело в том, что цвет может сам быть отдельным параметром, лексически выраженным (или не выраженным) в некотором языке. Такие параметры относительно легко исчислить и сравнить (разумеется, в полном объеме эта работа очень сложна и тоже пока не сделана). И хотя эти параметры не независимы друг от друга (синий связан с зеленым, черный с белым и т.д.), хотя в некоторых языках они выступают склессно (как сине-зеленый в японском), все же картина здесь похожа, скорее, на ту, которая характерна для грамматических значений и принципиально отличается от той, которая более естественна для лексических полей – скажем, поля позиционных глаголов (см. [Рахилина, Лемменс 2003]), глаголов перемещения в воде (см. [Майсак, Рахилина 2003]) или температурных значений (см. [Копчевская, Рахилина 1999]). Невозможно даже представить себе смысл, напоминающий 'сидеть' или 'горячий' в качестве простейшего параметра, организующего поле в той же степени, как 'белый' или 'черный'. Как и в других "обычных" семантических полях, в поле позиционных глаголов, глаголов перемещения в воде, температурных значений и др. отдельные параметры не имеют прямых лексических соответствий, они являются частью толкования, сложным образом встраиваются в семантику лексем и переиллюстрируются с другими компонентами их значения. Например, для системы позиционных глаголов, по-видимому, важен параметр фиксированности в пространстве, для глаголов плавания – идея пассивности движущегося объекта, его подчиненности движению потока жидкости, а для температурных значений важнейшей "точкой отсчета" является температура человеческого тела. Но, как показано в цитированных выше работах, повторяются эти параметры в языках не в виде отдельных единиц лексической системы, а в виде релевантных для каждой такой системы фрагментов значения составляющих ее лексических единиц.

Обратим, однако, внимание на то, что несмотря на трудность решаемой лексической типологией задачи, интерес к этой проблематике, очевидным образом, растет, о чем свидетельствуют, в том числе, недавние издания [Newman 1997; 2002], которые посвящены анализу лексем или групп лексем в целом ряде языков мира, собранных, в традициях типологических описаний, под одной обложкой. Очень интересным был проект, осуществлявшийся в Варшавском университете в середине 90-х годов под руководством проф. Р. Гжегорчиковой. В рамках этого проекта исследовалась семантика прилагательных размера и цвета в различных – в том числе нескольких славянских – языках (ср., например [Grzegorzczukowa 1997; Grzegorzczukowa, Waszakowa 2000]). К сожалению, прямой сопоставимости результатов исследования удалось добиться только в области цветовых полей, однако сам этот проект дал огромный стимул к лексико-типологическим исследованиям – в том числе и лично для одного из авторов этой статьи, принимавшего в нем участие.

Вернемся, однако, к проблеме родственных языков и вопросу о том, можно ли включать материал таких языков в исследования по лексической типологии. Наш ответ: несомненно, да – и мы надеемся, что материал этой работы послужит аргументацией в пользу этой точки зрения. Мы покажем, что в лексической семантике расхождение языков происходит быстрее, чем во внешней форме лексем. Поэтому даже в том случае, когда сопоставляемые семантические поля в достаточно близких языках состоят только из этимологически родственных слов (иначе, *к о г н а т о в*, ср. англ. термин "cognate"), к тому же хорошо сохранивших фонетическое сходство, т.е. "узнаваемых" носителями другого языка, наборы семантических параметров, сопоставляющих лексику внутри такого поля, в этих языках могут, тем не менее, оказаться различны – в той же степени, в какой они могут быть различны для генетически не связанных между собой языков или для тех семантических полей сопоставляемых родственных языков, в которых вовсе нет когнатов.

В качестве примера в нашей работе предлагается опыт сопоставительного исследования в области лексической семантики для двух близкородственных славянских языков – польского и русского: сравниваются системы польских и русских глаголов со значением вращения, которые как раз практически целиком состоят из когнатов. Мы покажем, что сравниваемые системы значительно различаются, и в то же время, выделяются общие параметры, которые, как мы надеемся, претендуют на то, чтобы быть психологически и типологически релевантными и на которые, тем самым, можно опереться при дальнейшем, более широком типологическом исследовании.

Работа использует данные словарей – как двуязычных, так и толковых, материал корпусов текстов² и опросы информантов, носителей польского и русского языков³.

ГЛАГОЛЫ ВРАЩЕНИЯ

1. Введение

Ситуация вращения описывается в русском и польском языках четырьмя парами когнатов; причем внутри каждой пары глаголов хорошо сохранилось фонетическое сходство, ср.:

- крутиться* – *kręcić się*
- вертеться* – *wiercić się*
- вращаться* – *obracać się*
- кружить(ся)* – *krążyć*

В польском, кроме того, для выражения идеи вращения используется глагол *wirować*, в литературном русском отсутствующий (ср. однако отмеченное в северо-западных говорах еще В.И. Далем *вир* ‘омут, водоворот’).

В обоих языках выделенная группа глаголов вращения представляет собой квази-синонимы, плохо различаемые современными словарями, ср. толкования МАС:

- КРУТИТЬСЯ* – совершать круговое движение, *вращаться, вертеться*;
- ВЕРТЕТЬСЯ* – совершать круговые движения, *вращаться, кружиться*;
- КРУЖИТЬСЯ* – двигаться по кругу, *кругообразно*.

Та же картина характерна и для польских словарей, ср. соответствующие фрагменты словарных статей PSJP и SJPSz 1995⁴:

KRĘCIĆ SIĘ – *obracać się dokoła swej osi, wirować, być wprawionym w ruch wirowy* ‘вращаться вокруг своей оси, кружиться, быть приведенным в круговое движение’ [PSJP]; *być wprawionym w ruch obrotowy, wprawiać siebie w ruch wirowy; obracać się w koło, wirować* ‘быть приведенным в круговое движение, приводить себя в вращательное (вихревое) движение, вращаться кругообразно, кружиться’ [SJPSz 1995].

² Примеры использованы из архива Национального корпуса русского языка, а также из архива корпуса текстов Польского Научного издательства (slowniki.pwn.pl/korpus; ниже [PWN]) и Гданьского университета (www.cogito.univ.gda.pl/biblioteka/wsieci; ниже [UG]). При поиске русских примеров применялась программа, составленная А.В. Санниковым.

³ Мы хотели бы принести особую благодарность Магдалене Данилевичовой, Ольге Леонидовне Катречко, Валентине Григорьевне Кульпиной, а также Малгожате Витославской, Мирославу Яворскому, студентам-русистам Гданьского университета и всем, кто помогал нам проникнуть в семантику польских глаголов.

⁴ Очень интересные замечания о семантике глаголов вращения содержатся в монографии [Војаг 1979], однако в задачу этой книги, посвященной самым разным польским глаголам движения, не входило системное описание представителей группы вращения, так что найти в ней ответы на все многочисленные вопросы, возникающие при сравнении разных лексем, тоже не удастся.

OBACAC SIĘ – *kręcić się, wirować* ‘крутиться, кружиться’ [PSJP]; *być obracany*; *kręcić się, wirować* ‘быть вращаемым, крутиться, кружиться’ [SJPSz 1995].

KRĄŻYĆ – *wykonywać ruch kołowy; zataczać kręgi* ‘совершать круговое движение, описывать круги’ [PSJP] и [SJPSz 1995].

WIROWAĆ – *obracać się ruchem wirowym* ‘вращаться круговыми (вихревыми) движениями’ [PSJP]; *obracać się w koło, kręcić się; krążyć wokół czegoś, nad czymś* ‘вращаться кругообразно, крутиться, кружить вокруг чего-то, над чем-то’ [SJPSz 1995].

Между тем, и в том, и в другом языке каждый глагол, безусловно, имеет свою индивидуальную семантику и сочетаемость, отличную от остальных. Об этом свидетельствуют примеры, в которых невозможна взаимозамена одних глаголов вращения на другие, ср. (1)–(4):

- (1) *Nasza planeta obraca się* (**kręci się*/**wert się*/**kręży się*) *wokół Słońca*; (2) *Швейная машинка сломалась: у нее ручка не крутится* (**вращается*/**вертится*/**кружится*);
- (3) *Александр от нетерпения вертелся* (?? *крутился*/**кружился*/**вращался*) *на месте*. То же для польского:
- (4) *Ziemia krąży* (**obraca się*/**kręci się*/**wierci się*/**wiruje*) *wokół Słońca* ‘Земля вращается вокруг Солнца’.

С другой стороны, уже сопоставление примеров (1) и (4) свидетельствует, что данные когнаты по-разному структурируют семантическое поле вращения в каждом из языков: один и тот же контекст в русском требует глагола *вращаться*, а в польском – глагола *krążyć*, когната для русского *кружиться*. Для интерпретации подобного рода эффектов требуется специальное исследование: современные двуязычные словари не дают им объяснения. Мы предприняли такое исследование, имея в виду выделить семантические параметры, задающие в каждом случае сочетаемостные возможности русских и польских глаголов. Результаты его представлены ниже: в следующих разделах будет последовательно сопоставляться семантика русских и польских глаголов, образующих пары когнатов.

2. Русск. *крутиться* ~ *вертеться* vs. польск. *kręcić się* ~ *wiercić się*

Начнем с русского.

2.1. *Крутиться* ~ *вертеться*: семантика вращения

Крутиться и *вертеться* – наиболее близкие по своей семантике глаголы вращения, во многих контекстах легко поддающиеся взаимозамене, ср. хорошо известное: *Крутится, вертится шар голубой*. Эти глаголы описывают прежде всего движение некоторого предмета вокруг собственной оси, поэтому оба они применимы к движению колеса, ср. (5)–(6):

- (5) *В огромном машинном зале безмолвно ходили маслянистые поршни и крутилось страшное маховое колесо* (Ю. Домбровский. Хранитель древностей);
- (6) *Колесо вертелось долго* (Ф. Достоевский. Игрок).

Любопытно, однако, что несмотря на то, что субъект вращения в этих примерах один и тот же, поменять глаголы местами не просто. Дело в том, что в случае явно целенаправленного и/или контролируемого движения *вертеться* практически исключено – а именно такая ситуация подразумевается в (5). Ср. также (7)–(9):

- (7) *Левой рукой Олеся быстро сучила белую, мягкую, как шелк, кудель, а в правой у нее с легким жужжанием крутилось* (**вертелось*) *веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и коротким движением пальцев опять заставляла вертеться* (А. Куприн. Олеся);

(8) <...> винт **крутится** (*вертится) от встречного потока! (В. Консцкий. Вчерашние заботы);

(9) На траве-мураве целый день **крутится** (*вертится) поливалка (Д. Гранин. Месяц вверх ногами).

Поэтому именно **крутится**, а не **вертится** употребляется в русском в контексте отрицания в значении 'не работает' – о части артефакта, предназначенной <человеком> для вращения – ср. (2), а также (10):

(10) И сам тоже вошел в сарай – крайне интересно стало: как инженер обнаружит, что колесо не **крутится** (В. Шукшин. Упорный).

Несовместимость целенаправленности движения с семантикой **вертеться** видна и в примерах типа (11), с одушевленными субъектами:

(11) Вся труппа вышла на арену: по манежу бегал клоун, на огромных тумбах восседали львы, под потолком **крутились** (*вертелись) гимнасты.

Наоборот, в контекстах неконтролируемого движения, как в (12), предпочтение отдается глаголу **вертеться**:

(12) Скрипя пружинами, **вертелся** (^{??}крутился) на койке Гвоздев [МАС].

Соответственно, в контекстах, допускающих взаимозамену, возникает легкий сдвиг значения в сторону нецеленаправленности/неконтролируемости в случае, если употреблено **вертеться**, и целенаправленности/контролируемости ситуации в случае **крутиться**. Так, обычно колеса едущего транспорта **крутятся**, но не **вертятся**: в этом случае имеется в виду ситуация целенаправленного вращения, а колеса перевернувшегося транспортного средства вращаются бесцельно, и в таком контексте естественно **вертеться**, как в (13):

(13) Герстнер уцепился за колесо перевернутой кибитки – колесо **вертелось**, и Герстнер судорожно перебирал спицы (В. Кунин. Чокнутые).

Впрочем, в такого рода контекстах возможно и **крутиться**, как в (14), но тогда описывается инерционное движение: мотоцикл уже перевернулся, а колесо все еще крутится, как если бы он продолжал <целенаправленное> движение:

(14) Смятый мотоцикл лежал на куче булыжника, заднее колесо его **крутилось** (Г. Бакланов. Был месяц май).

Понятно и то, что колесо времени или прогресса – скорее, **крутится**, чем **вертится**, и наоборот, вращение малоуправляемого колеса игорного стола хорошо описывается глаголом **вертеться**, ср. пример (6), а также (15):

(15) Пока оно **вертелось** – а это длилось целую вечность – Коломбина шевелила губами: молила Бога, Судьбу, Смерть (уж и сама не знала, кого), чтобы мальчику не выпала роковая ячейка (Б. Акунин. Любовница Смерти).

Если с этой точки зрения рассмотреть характерные субъекты вращения, окажется, что некоторые из них явным образом тяготеют к одному из глаголов:

	<i>крутиться</i>	<i>вертеться</i>
колесо	+	+
карусель	+	?
флюгер	+	+
мотор	+	?
лопасти мельницы	+	+
руль	+	?
колесо обозрения	+	?

Как видим, **крутиться** выглядит в этой таблице глаголом более общей семантики, "перекрывающим" употребления **вертеться** – но только потому, что действительно довольно непросто подобрать ситуацию, для которой была бы запрещена за-

мена *вертеться* на *крутиться*, т.е. которая не допускала бы интерпретации как целенаправленной. С этой точки зрения любопытны примеры (16) и (17), где употребление *крутиться* представляется крайне нежелательным: в самом деле, если представить себе, например, в (17) *крутился* на месте *вертелся*, это означало бы, что хвост действовал сам по себе, независимо от хозяина – и это вполне согласуется с нашими представлениями о семантической доминанте *крутиться* и *вертеться*.

(16) *Вдруг я услышал сзади меня, почти у головы моей, какой-то трескучий шелест; я обернулся и увидел, что гад всползает по стене и уже наравне с моею головой, и касается даже моих волос хвостом, который вертелся* (² *крутился*) и извивался с чрезвычайною быстротой (Ф. Достоевский. Идиот);

(17) *И, чтобы сделать это желание более понятным, собака вытягивала передние лапы, клала на них боком голову, а зад ее потешно поднимался, и хвост вертелся, как ручка у шарманки* (Л. Андреев. Петька на даче).

Семантика неупорядоченного движения

Представляет интерес и переносное значение этих глаголов, когда собственно вращательный компонент движения теряется или почти теряется и остается идея неупорядоченного движения. Это очень характерный перенос – с вращения на хаотичное перемещение (прежде всего, людей) – по-видимому, он широко распространен. В русском языке тот же эффект мы будем наблюдать и на примере другого вращательного глагола – *кружить*, однако в каждом конкретном случае есть интересные семантические нюансы.

Итак, самопроизвольное (хотя и нецеленаправленное) движение, свойственное *вертеться*, очень естественно для живых субъектов. Имеется в виду, во-первых, беспорядочное движение вокруг своей оси, сидя – как в *вертится на стуле*; в таких случаях – при том, что некоторый "след" вращательности сохраняется (движение человека происходит вокруг своей оси), замена *вертеться* на *крутиться* (иными словами, реинтерпретация ситуации как целенаправленной) невозможна, ср. (18), где человек ни характер, ни последовательность движений не контролирует:

(18) *Роцин вертелся* (**крутился*) *на извозчике, ища глазами Катю* (А. Толстой. Хождение по мукам).

Во-вторых, речь идет о неупорядоченном перемещении человека в пределах некоторого небольшого пространства, заданного каким-то пространственным ориентиром, который напоминает нам об исходной оси вращения, ср. *вертелся под ногами*, *вертится перед зеркалом*. Контексты такого рода неупорядоченного движения свойственны и глаголу *крутиться*, но в этом случае может так или иначе проявляться свойственная этому глаголу целенаправленность движения. В частности, при *крутиться* локализация выбирается субъектом для определенной цели, и здесь очень характерны предлоги "смежности": *у, возле, около*, часто вводящие в качестве ориентира имя лица ср. (19):

(19) *Возле него (около него/рядом с ним/у него в квартире) постоянно крутились* (**вертелись*) *какие-то сомнительные личности* (= сомнительные личности старались оказаться около выбранного ими человека)⁵.

⁵ Ср., однако, у Достоевского (с точки зрения современной нормы пример, конечно, маркированный: более правильным здесь был бы вариант *крутился*): *Этот негодяй, который несколько лет вертелся пред Степаном Трофимовичем, представляя на его вечеринках, по востребованию, разных жидков, исповедь глухой бабы или родины ребенка, теперь уморительно карикатурил иногда у Юлии Михайловны между прочим и самого Степана Трофимовича, под названием: "Либерал сороковых годов"* (Ф. Достоевский. Бесы).

Целенаправленность сохраняют и другие, более удаленные от исходного вращательного значения употребления, где глагол *крутиться* значит, приблизительно: 'успевать в ограниченное время делать много (разных) дел, преодолевая разнообразные препятствия', ср. (20)–(21); как мы и ожидаем, эти контексты не свойственны *вертеться*:

(20) *С утра до вечера, бедняга, крутится (*вертится), а женка из-за стойки командует, да чай с вареньем дует без передышки* (Вас. Андреев. Волки);

(21) *Иной раз он вытаскивал его из кучи газет, быстро заглядывал в сводку футбольного чемпионата, – как там возлюбленное "Динамо" крутится (*вертится), хлопал ладонью по краю стола то с досадой, то с удовольствием и тут же отбрасывал орган Госкомитета по физкультуре* (В. Аксенов. Московская сага).

Интересно, что в тех случаях, когда переносное значение беспорядочного движения метафорически применяется к неодушевленным субъектам (обычно абстрактным: мыслям, идеям, пока не осознанным, словам, пока не сказанным, т.е. как бы "не пойманным", не зафиксированным, а значит, находящимся в движении) разница между *крутиться* и *вертеться* нивелируется (т.к. идея целенаправленности перестает быть релевантной), и глаголы в этих контекстах свободно заменяют один другой:

(22) *Множество мыслей вертелось (крутилось) у меня в голове* (М. Булгаков. Театральный роман);

(23) *В тот день на языке вертелось (крутилось) дурацкое двустушище, которое я сам придумал* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги);

(24) *А я смотрю на чаек, и почему-то опять крутится (вертится) в голове Кабланка* (В. Конецкий. Вчерашние заботы).

В то же время, в примерах типа (25), где к неодушевленным субъектам типа *товар, деньги* применяется значение 'успевать...' (см. примеры 20–21), и *крутиться* значит 'многократно оборачиваться, принося большую прибыль', всегда подразумевается контролирующий ситуацию субъект, который и управляет процессом, так что несмотря на неодушевленность субъекта, *вертится* в таких контекстах употребляться не может:

(25) *"Каторга" у них навроде большого света: там и товар краденый крутится (*вертится), и деньги немалые, и все бандюги авторитетные наведываются* (Б. Акунина. Смерть Ахиллеса).

2.2. Польские *kręcić się* ~ *wiercić się* на фоне русских *крутиться* ~ *вертеться*

Противопоставление польских глаголов *kręcić się* ~ *wiercić się* если и сохраняется, то только в зоне одушевленных субъектов, поскольку значение *wiercić się* гораздо уже его русского когната и соотносится только с одушевленными субъектами ('поворачиваться в разные стороны, оставаясь на одном месте', как в *wierci się na krześle* 'вертится на стуле'):

(26) *Minęła godzina, potem druga, a on ciągle nie spał. Wiercił się, przewracał z boku na bok, nawet próbował zwinąć się* 'Прошел час, второй, а он все еще не спал. Вертелся, переворачивался с боку на бок, даже пробовал свернуться в клубок'. (L. Kern. Ferdynand Wspaniały).

(27) *Niech pan się tak nie wierci – powiedział tata – powrzuca pan wszystkich do wody!* 'Пожалуйста, не вертитесь так, – сказал отец, – вы нас всех скинете в воду!' [PWN].

По поводу конкуренции *kręcić się* и *wiercić się* с одушевленными субъектами, заметим следующее. Словари выделяют у *kręcić się* группу соответствующих употреблений, считая их, по-видимому, полностью синонимичными *wiercić się*, ср. толкование, которое для таких случаев предлагается в PSJP: *zmieniać często pozycję; wiercić się* 'часто менять позицию, вертеться' (*kręcić się na krześle* 'крутился на стуле'); ср. также в SJPSz 1995: *siedząc, stojąc, leżąc, ciągle zmieniać pozycję, ruszać się; wiercić się* 'сидя, стоя, лежа постоянно менять позицию, двигаться, вертеться'. Однако наши исследования польских корпусов современных текстов и текстов интернета не выявили ни одного случая употребления *kręcić się* в таких контекстах; информан-

ты в своих оценках соответствующих примеров тоже оказывают предпочтение глаголу *wiercić się*.

Тем самым, польск. *wiercić się* (в отличие от русск. *вертеться*) не применим к неодушевленным субъектам: ни флюгер, ни карусель, ни колесо, будучи в движении, с помощью этого глагола описаны быть не могут. Эта зона доступна только глаголу *kręcić się*, для которого (как и его русского когната) главное – наличие оси вращения:

(28) *Wygrywał ten uczestnik, któremu bąk kręcił się (*wiercił się) najdłużej – opowiada dyrektor muzeum* 'Выигрывал тот участник, у которого юла **крутилась/вертелась** дольше всех – рассказывает директор музея' [UG];

(29) *Nad nami dostojnie bacz niebezpiecznie kołysząc się kręcił się (*wiercił się) wielki wentylator* 'Над нами с почетом, однако опасно покачиваясь, **крутился/вертелся** большой вентилятор' (K. Wąga. *Chłopaki nie płaczą*).

Поэтому русское *Пока Земля еще вертится* (Б. Окуджава) переводится на польский как *Dopóki nam Ziemia kręci się*.

Если семантика польского *wiercić się* уже русского *вертеться*, то *kręcić się*, как оказывается, наоборот, шире своего когната *крутиться*. Дело в том, что *крутиться* обязательно предполагает внутреннюю ось вращения, свойственную самому вращающемуся субъекту (поэтому прототипическим субъектом для *крутиться* и является колесо). Что же касается польского *kręcić się*, то при нем допустимы и субъекты, не имеющие собственной оси вращения – и вообще не вращающиеся, правда, определенной формы: это длинные гибкие объекты (например, дорога, волосы), как бы закрученные вокруг *внешней* оси или так же закрученная цепь отдельных объектов (например, снежинки). Обратим внимание, что в таком случае внешняя ось, которую огибает вытянутый предмет, хотя и не является частью этого предмета (как у флюгера, винта или колеса), тоже не произвольна: речь идет о (часто циклическом) отклонении предмета от своей же прототипической формы (волосы) или траектории движения (дорога).

Такая "дополнительная" по отношению к русскому *крутиться* зона употребления польского *kręcić się* в русском обычно передается глаголом *виться*⁶:

(30) *Droga kręciła się miejscami samą krawędzią pól* 'В некоторых местах дорога **ви-лась** вдоль самого края поля' (K. Grochola. *Nigdy w życiu*).

Однако русское *виться* предполагает в том числе и актуальное движение (ср. в других контекстах: *вьется флаг* = 'развевается, движется на ветру'⁷). Между тем, в примерах на употребление *kręcić się* такого рода физического движения нет, предмет находится в покое, а глагол вращения описывает результат некоторого абстрактного движения относительно ориентира, который хотя и не внутренний, т.е. не является частью <движущегося> предмета, но все-таки непосредственно с ним соот-

⁶ Нециклическое вращение требует другого перевода, ср.: (...) *Za kościołem w prawo droga łagodnie kręciła się w stronę Nasutowa* 'За костелом справа дорога аккуратно **сворачивала** в сторону Насутова' [UG].

⁷ По-польски в случае актуального движения *kręcić się* не употребляется: так, для движения флага выбирается другой глагол, когнат русского *виться* – *развеваться*, ср.: *Zebrana na brzegach zatoki ludność wiwatowała, na wszystkich okolicznych budynkach powiewały flagi angielskie i amerykańskie, a w świat poszły pierwsze depeche, zawiadamiające o szczęśliwym zakończeniu akcji* 'Собравшиеся на берегу залива люди ликовали, на всех окрестных зданиях **развевались** английские и американские флаги, а по миру пошли первые депешы, уведомляющие о счастливом окончании военных действий' (Kalejdoskop Techniki).

носятся. Такая трактовка семантики *kręcić się* в "неканонических" с точки зрения русского контекстах дает возможность проследить связь и с его базовыми употреблениями (применительно к колесу и флюгеру), и с его русским когнатом *крутиться*.

Несколько слов о переносном значении беспорядочного движения: оно свойственно и польскому *kręcić się*. При этом, так же, как и его русский когнат, *kręcić się* тяготеет к контекстам с локализацией смежности и одушевленным ориентиром⁸, ср. (8).

(31) *Około księcia kręciło się niemało dworaków służących i schlebających dla własnej korzyści, ale orli umysł Jeremiego wiedział dobrze, co o kim trzymać* 'Вокруг князя **крутилось** немало дворовых, служащих и угождающих ради собственной выгоды, однако проницательный Еремей хорошо понимал, кто что из себя представляет' [UG].

Но и здесь круг употреблений *kręcić się* шире, чем у русского *крутиться* – в частности, польский глагол описывает не только движение *около* определенного (в том числе и одушевленного) ориентира, но и (беспорядочное) перемещение *внутри* замкнутого пространства. В русском языке такой тип движения обычно передается глаголом *бегать* (но), ср. (31)–(32):

(32) *Dom jest czysty i zadbany, po pokoju kręci się dwójka dzieci* 'Дом чистый и ухоженный, по комнате **бегают** [букв. 'крутятся'] двое детей' (K. Grochola);

(33) *Kolacja się dogotowywała, Józka kręciła się po izbie, a stary pykał z fajki w komin i coś sobie myślał głęboko, bo prawie się nie odzywał* 'Ужин доходил, Юзка **бегала** по комнате, а старик, попыхивая трубкой в камин, о чем-то глубоко задумался, поскольку почти все время молчал' [UG].

Русский глагол *крутиться* в подобных контекстах не встречается⁹.

3. Русск. *вращаться* vs. польск. *obracać się*

Этимологически и морфологически ближайшим коррелятом польскому *obracać się* является русское *оборачиваться* со значением 'повернуть голову или часть туловища, чтобы посмотреть назад (только о человеке)'

Но данное значение лежит на периферии зоны вращения (хотя и сохраняется глаголом *obracać się*¹⁰ – наряду с другими), и с этой точки зрения, *оборачиваться* "не интересно" сравнивать с польским *obracać się*. Другой русский глагол, морфологически близкий польскому, *обращаться* – церковнославянизм, в современном языке он уже не описывает вращательного движения, наиболее употребительны для него контексты типа *обратиться к кому-л. за чем-л.* со значением 'попросить'. Поэтому для сравнения с польским *obracać się* мы выбрали не точный, хотя и довольно близкий когнат: глагол *вращаться*.

⁸ Впрочем, неодушевленный ориентир тоже возможен, ср: *Kilku gazeciarzy ze schroniska, z plikami gazet niemieckich pod pachą, kręciło się na przystankach niezdecydowanie* 'Несколько газетчиков из убежища, со стопками немецких газет под мышкой, нерешительно **крутились** на остановках' (T. Borowski. Pożegnanie z Marią).

⁹ И все-таки в нашей выборке оказался один нетривиальный пример такого рода – что интересно, не с глаголом *крутиться*, а с глаголом *вертеться* (который, как мы помним, тоже употребляется в локативных контекстах беспорядочного движения). Пример встретился у Достоевского – и это не случайно: Достоевский, как мы видели (см. сноску 2), склонен расширять зону *вертеться*; кроме того, он, как известно, нередко допускает полонизмы: *Обращался и к Прасковье Ивановне и к Лизавете Николаевне, даже мельком сгоряча крикнул что-то отцу*, – одним словом, очень **вертелся по комнате** (Ф. Достоевский. Бесы).

¹⁰ Ср. примеры типа: *Gdy się obracał aby zaatakować następnego na jego pierś spadł cios* 'Когда он **оборачивался**, чтобы атаковать следующего, его поразил удар в грудь' (S. Grzesiuk. Opowiadania).

Вращаться описывает небыстрое равномерное и длительное движение предметов вокруг оси – характерное для механизмов и их частей (колеса станков, турбины и т.п.):

(1) *Вскоре пила с победным воем вновь врезалась стальными, бешено вращающимися зубьями в железо и разметывала фонтаны горячих искр* (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни).

Широко распространены и вполне укладываются в наше представление о *вращаться* контексты уподобления обыденных предметов механизмам:

(2) <...> *черная с серебряным резным набалдашиком трость вращалась, как пропеллер, образуя в воздухе прозрачный круг* (Ал. Кабаков. Последний герой).

Равномерное и длительное круговое движение подразумевает много последовательных оборотов, поэтому сочетания типа *'кран (не) вращается'* выглядят странно: лучше в такой ситуации выбрать *(не) крутится*, безразличное к числу оборотов или *(не) поворачивается*, где, напротив, имеется в виду только неполный оборот. С другой стороны, именно глагол *вращаться*, точнее, причастие от него, выбирается как термин, обозначающий артефакты, предназначенные для вращательного движения. Говорят: *вращающееся кресло, табурет, двери, башня танка*, но не: *крутящаяся* или *вертящаяся* (что значило бы актуальное, а не потенциальное – и тем самым, как бы бесконечное – движение).

Еще одно яркое проявление семантических свойств *вращаться* – в его неспособности сочетаться с одушевленными субъектами и – в прототипическом случае – с частями человеческого тела: живые субъекты в принципе не соответствуют механическому движению *вращаться*, ср. запреты типа **мальчик вращался на стуле*. Исключения составляют *глаза*: в русском языке есть устойчивое сочетание *вращать глазами* со значением = 'сознательно приводить глаза в круговое движение, как бы механическое', которое, вполне укладываясь в семантику глаголов вращения, влияет на переходные употребления, так что с некоторым трудом и в определенных контекстах может встретиться и *глаза вращаются* – как их самопроизвольное движение, ср. (3)–(5):

(3) *Находясь в состоянии сценического экстаза, я даже и не удивилась, увидев льющуюся кровь по лицу убитого мною Скарпия, и пришла в себя только от дико вращающихся глаз мертвеца* (Г. Вишневская. Галина: История жизни);

(4) *У него топорщились усы и один глаз вращался* (Юрий Олеша. Три толстяка);

(5) *И сверкнули глаза – два острых буравчика, быстро вращаясь, ввинчивались все глубже, и вот сейчас довинтятся до самого дна <...>* (Е. Замятин. Мы)¹¹.

Характерным контекстом, и тоже хорошо соответствующим описанной выше семантике *вращаться*, является движение планет: это бесконечное вращение с внешней или внутренней осью (вокруг какого-то другого объекта или вокруг своей оси), упорядоченное и равномерное (как бы механически заданное) настолько, что никаким другим русским глаголом вращения описано быть не может, ср. пример (1), а также:

(6) *Солнце вращается, и место извержения давно переместилось в сторону* (А. и Б. Стругацкие. Страна багровых туч);

(7) *Он не был сам творцом своего пути, своей судьбы; ему, как планете, очерчена орбита, по которой она должна вращаться* (И. Гончаров. Обрыв).

Движение планет называется именно *вращением*, или *вращательным движением*, и этот термин вообще в русском языке закреплен как научное обозначение переме-

¹¹ Очень редко встречаются нестандартные примеры на употребление *вращаться* с другими частями тела, как у Набокова, у которого вообще очень большая частотность этого глагола: *Бунт читал быстро, его лоснящиеся скулы вращались* (В. Набоков. Дар); ср. также другой пример того же автора, с переходной формой глагола: *Иннокентий молча шагал рядом, вращая ртом (лушил семечки)* (В. Набоков. Круг).

жения по кругу. В силу семантики *wracać się*, "разрешающей" (в отличие от других глаголов вращения) и внутреннюю, и внешнюю ось, *wracać się*, действительно, лучше других приспособлен для обобщающей роли нейтрального генерического предиката, и в русском языке занимает это место.

Функция польского *obracać się* другая: на роль обобщающего глагола вращения в этом языке претендует, скорее, *kręcić się*, и он же, а не *obracać się*, употребляется применительно к планетам и другим "упорядоченным" в своем круговом движении небесным телам, см. пример (4) в первом разделе. Дело в том, что в польском именно *kręcić się* безразличен к тому, является ли ось вращения внешней или внутренней¹² – *obracać się*, по-видимому, предпочитает внутреннюю ось вращения. Другое отличие семантики *obracać się* от русского *wracać się* в том, что он может описывать и единичный оборот, причем как полный, так и неполный – и в этих контекстах соответствует совсем другому русскому глаголу – *повернуться/поворачиваться*, ср. *obrócić się na pięcie/na drugi bok/tyłem* 'повернуться на пятке/на другой бок/задом'; такого рода контексты возможны и с неодушевленным субъектом, ср:

(8) *Nie mogę otworzyć zamka: klucze nie obracają się* 'Я не могу открыть замок: ключи не поворачиваются'.

В том случае, если круговое движение, обозначаемое *obracać się*, более длительно, оно должно быть не очень быстрым, так, чтобы отдельные обороты были различимы наблюдателем, поэтому в качестве субъектов вращения для этого глагола характерны колеса, стрелки часов, крылья ветряной мельницы и значительно менее предпочтительны карусель или флюгер, с которыми употребляется более общий *kręcić się*.

(9) *Patrzył z ogromnym skupieniem, jak pod białą pustynią sufitu obraca się* ("kręci się") *powoli śmigła wentylatora*. 'Он очень сосредоточенно смотрел, как под белой пустыней потолка медленно вращается пропеллер вентилятора' (W. Żukrowski. Kamienne tablice).

Такое ограничение вполне объяснимо, если иметь в виду целостную модель семантики *obracać się*: движение, которое этот глагол обозначает, как бы состоит из оборотов – одного, части оборота, нескольких или многих¹³.

Любопытно, что русское *wracać się* и польск. *obracać się* "сходятся" в переносном значении: МАС выделяет для *wracać się* употребления со значением 'часто бывать в каком-либо обществе, среде', а SIPSz 1995, соответственно, для *obracać się*, значение 'przebywać, być gdzieś; znajdować się gdzieś' ('пребывать, бывать где-то, находиться где-то'), ср. следующую пару примеров:

(10) *Ольга <...> energiczna, zamужem za amerykańskim pisателем, wraca się w wydawniczym świecie, – все стекается удобно* (А. Солженицын. Угодило зернышко промеж двух жерновов);

(11) *Schmidt-Holtz nie ma doświadczenia w dziedzinie muzyki, ale obracał się wśród artystów, ma zdolności twórcze* – wyjaśnił rzecznik grupy 'У Шмидт-Хольца не было музыкального образования, однако он вращался в среде артистов, имел творческие способности – объяснил представитель группы' [PWN].

¹² Вспомним здесь, что именно *kręcić się* применим к длинным гибким предметам – типа волос или дороги, – закрученных вокруг внешней оси (см. выше раздел 2.2).

¹³ На особую роль оборотов в семантике *obracać się* указывает также и [Bojar 1979], см. прежде всего с. 38. Там же обращается внимание на то, что этот глагол описывает как вращение в несколько оборотов, так и вращение в неполный оборот.

И в русском, и в польском это значение существовало в XIX веке и, в общем, сохранилось до сих пор. В русском, однако, оно значительно сузило зону своего употребления (в пользу "механических" контекстов глагола *вращаться*), стало менее нейтральным (хотя, по-видимому, и раньше нельзя было сказать: ср. **вращался среди хулиганов*/**в кругу бродяг* и под., ср. ниже польские примеры) и закрепилось только по отношению к престижному, высшему обществу – часто иронически, с опущением локативной позиции, ср. (12)–(13):

(12) *В сферах вращаешься* (В. Астафьев. Прокляты и убиты);

(13) *<...> когда уже совсем становилось невозможно, она говорила себе, что, верно, будни актрисы Гиацинтовой не намного разнообразнее ее буден, <...> – даром что она столичная примадонна, вращается и вообще* (Вяч. Пьецух. Рассказы).

В польском таких ограничений нет, глагол *obracać się* совершенно нейтрален и употребляется по отношению к любому обществу и любой среде:

(14) *14-letni syn opuścił się w nauce, zaczął palić papierosy, obracał się w złym towarzystwie, próbował różno wracać do domu* '14-летний сын стал хуже учиться, начал курить, попал в плохую компанию (букв. 'вращался в плохой компании'), пытался поздно возвращаться домой';

(15) *Kiedy więc przedstawiciele instytucji formalnej kontroli społecznej określą chłopca, który już od dawna obraca się w kręgach przestępczych, jako nieletniego przestępcę, nie będzie to miało poważniejszego wpływu na jego dotychczasowy obraz własny* 'Ведь когда представители институтов общественного контроля определяют мальчика, который уже давно вращается среди преступников (букв. 'в преступных кругах'), как малолетнего преступника, это нисколько не повлияет на его собственный образ' (A. Siemaszko. Granice tolerancji).

4. Кружить(ся) vs. krążyć

Трудность сопоставления польского и русского в этой зоне состоит в том, что в русском языке имеется два глагола – переходный *кружить* и непереходный *кружиться*, и оба они достаточно близки польскому *krążyć*. Дело в том, что русское *кружить* имеет непереходные употребления со значением вращательного движения типа (1), которые считаются синонимичными возвратному *кружиться*, ср. (2):

(1) *На бледном небе ястреб кружит*;

(2) *Над городом высоко кружились немецкие самолеты.*

Польское *krążyć*, с одной стороны, легко переводит русское *кружить/кружиться* в этих контекстах, ср. (3) и (4):

(3) *Jastrząb krążył nad wodą, szukając swej ofiary* 'Ястреб кружил над водой, ожидая жертву' [PWN];

(4) *Nasz samolot kwadrans krążył w powietrzu, bo nie było miejsca na lądowanie* 'Наш самолет 15 минут кружил в воздухе, поскольку не было места для посадки' [PWN].

С другой стороны, *krążyć* не имеет возвратного производного, так что этот глагол может считаться когнатом по отношению сразу к двум русским глаголам – и *кружить*, и *кружиться*. Мы покажем, что, тем не менее, семантически *krążyć* не тождествен полностью ни одному из русских эквивалентов.

Русское непереходное *кружить* описывает прежде всего такую ситуацию, в которой субъект движения описывает круги, обязательно находясь НАД ориентиром, как в (5)–(6). Если ориентир не выражен, им становится говорящий/наблюдатель. *Кружить* таким образом могут немногие – птицы, самолеты, летающие насекомые:

(5) *<...> в поле аист ходит, трещит клювом что пулемет, над ставком, обросшим склоненными ивами, кулик кружит или другая какая длинноклювая птица* (В. Астафьев. Пастух и пастушка);

(6) *Кондратюк в кювет – "мессершмитт" кружит над кюветом* (Г. Бакланов. Пядь земли).

Все эти живые существа (а самолеты, как известно, уподобляются в языковом сознании птицам – ср. в [Рахилина 2000: 305]), которые во-первых, значительно удалены от ориентира движения, а во-вторых, сознательно совершают движение, обычно в поиске чего-либо – пищи, добычи, гнезда и под.

Прототипическая ситуация воспроизводится в переносном значении *непереходно-го кружить*: 'двигаться извилистым путем, часто меняя направление, блуждая, плутая в поисках чего-то' [МАС], ср. *долго кружили по городу/в темноте/около собственного дома* и проч. Это уже не собственно глагол вращения, потому что, строго говоря, вращательного движения здесь нет (или оно не обязательно) – но при этом происходит движение вокруг ориентира, в отдалении от него и контролируемое, целенаправленное, часто в поисках ориентира. Тем самым, основные семантические параметры исходного (вращательного) значения *кружить* в этом случае сохраняются, ср.:

(7) *По дороге их захватила метель, они долго кружили* (= 'искали нужное место') *и приехали к месту не в полдень, как хотели, а только к вечеру, когда уже было темно* (А. Чехов. По делам службы).

Кружиться предполагает совершенно иной тип движения: субъект движется не над ориентиром, а поступательно, одновременно совершая круговые движения – так движутся танцующие пары, снежинки, листья, падая вниз, и под.:

(8) *Особенно если кружится листочек* *И осень, как знамя, стоит в отдаленье* (А. Кушнер);

(9) *Вот так и стой и смотри, как кружится-кружится мимо тебя вальс* (И. Грекова. Дамский мастер);

(10) *И мне казалось, что все, так же как и я, не молятся, а просто смотрят на этот дымок, как он поднимается струйками, кружится и несется вверх, к синему, замерзшему окну* (В. Каверин. Два капитана).

Обращает на себя внимание, что глагол *кружиться* часто и естественно употребляется рядом с другими глаголами движения: это обстоятельство, как кажется, подчеркивает поступательную составляющую в его движении, ср. (10), а также (11):

(11) *Он чувствовал, что самолет кружится, несется к земле* (Д. Гранин. Иду на грозу).

Движение, описываемое *кружиться*, в отличие от *кружить*, не имеет ориентира, и с этим связано другое свойство, отличающее его от переходного коррелята: обозначаемое *кружиться* движение обычно самопроизвольно и неконтролируемо, у него нет цели, задаваемой ориентиром. Поэтому, в отличие от *кружить*, для *кружиться* свойственны прежде всего неодушевленные субъекты, не контролирующие ситуацию: *листья, пурга, снег*; эти субъекты не могут оказаться в контексте глагола *кружить*. Другим проявлением спонтанности движения, передаваемого *кружиться*, является употребление этого глагола для описания особого состояния человека, когда он перестает адекватно воспринимать окружающий мир, и ему *кажется*, что предметы беспорядочно движутся – *кружатся* вокруг него:

(12) *Фыркают кони, бегут в ровной степи, и кажется Наталье, что кружится степь и бегут лошади как-то назад...* (Н. Гарин-Михайловский. Гимназисты).

Ср. также метонимическое *голова кружится*; в такого рода "неконтролируемых" контекстах целенаправленное *кружить* тоже никогда не возможно.

Тем не менее, встречаются случаи (и об этом свидетельствуют примеры в начале этого раздела) взаимозамены двух глаголов – однако в таких примерах имеется в виду все-таки не совсем идентичная ситуация: действительно, *ястреб кружится* значительно более бесцельно, чем *кружит*, и при этом в случае с *кружится* траектория его движения значительно менее определена (может включать и невращательное движение), тогда как *кружит*, скорее, предполагает поиск жертвы; ср. здесь близкие примеры (правда, с другим субъектом), в которых, тем не менее, невозможна за-

мена *кружить* на *кружиться* (иначе муха окажется хищной и прожорливой, высматривающей пирожок как добычу):

(13) *И муха на подоконнике кружится над недоеденным пирожком* (Гр. Канович. Парк забытых евреев)¹⁴.

Другой характерный класс примеров, в которых возможна взаимозамена этих глаголов – переносные употребления, субъектом которых является имя *трона*, ср.:

(14) *Трона кружится/кружит между стволами деревьев, порой отчаянно устремляется прямо вверх...* (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).

Однако и здесь структура ситуации меняется при переходе от одного глагола к другому: *кружится* значит что-то вроде 'движется вперед, петляя', а *кружит* употребляется в своем неосновном значении 'двигаться извилистым путем <...>, плутая в поисках чего-то' [MAC], обозначая тем самым движение к какому-то заданному месту (=ориентир)¹⁵.

Польское *krążyć* в описанном отношении ближе к *кружить*, чем к *кружиться* – оно тоже предполагает ориентир вращения. Такой ориентир может, как у *кружить*, располагаться внизу, под движущимся субъектом (ср. примеры в начале раздела), однако он может находиться и в одной плоскости с субъектом, ср. (15)–(18):

(15) *Łódź krąży wokół wyspy* 'Лодка описывает круги вокруг острова';

(16) *Korowód krąży wokół choinki* 'Хоровод ходит кругами вокруг елки';

(17) *W cyrku koń chodzi po kole. Krąży po arenie* 'В цирке конь ходит по кругу. Он ходит кругами по арене';

(18) *Byk zaś chcąc się uwolnić krążył wokół drzewa, owijając linę wokół pnia, aż całkiem skrócił pole manewru* 'Бык, желая освободиться, ходил кругами вокруг дерева, обматывая веревку вокруг пня, так что значительно уменьшил поле для маневра' [UG].

Легко видеть, что в таких случаях замена *krążyć* на *кружить* в персеводах на русский невозможна, и более того, в русском вообще нет глагола вращения, который мог бы выразить эту идею: ближайшим эквивалентом являются сочетания типа *ходить/двигаться кругами*. Ср. также употребление *krążyć* для описания движения крови по кругу, как в (19):

(19) *Krew zaczyna krążyć szybciej w żyłach, pragnie innej krwi* 'Кровь начинаст быстрее течь по венам, жаждет другой крови'.

Не различая идею вращения над и вокруг объекта, *krążyć* имеет возможность "захватить" и часть зоны употреблений русского *кружиться*: встречаются примеры, когда *krążyć* описывает движение кружащихся в воздухе листьев или снежинок, ср. (20):

(20) *W powietrzu krążyą żółtoczerwone liście* 'В воздухе **кружатся** желто-красные листья'.

Ср. также:

(21) *Krążyć będą wokół niego w wspaniałym tanci*. 'Будут **кружиться** вокруг него в дивном танце' (P. Saługa. Maraton).

Интересно, что *krążyć* "вбирает" в себя и переносные значения *кружить*, ср. (22):

¹⁴ Для польского, где обе ситуации обслуживаются одним и тем же глаголом, трудность здесь может возникнуть только при выборе русского переводного эквивалента, ср. *Nad pełnym wiadrem krążyły muchy* 'Над полным ведром **кружились** (^{??}**кружили**) мухи' (B. Wojdowski. Chleb rzucony umarłym).

¹⁵ В [Апресян 1995: 251] высказывается еще более сильная точка зрения, что *кружить* в таких употреблениях воспроизводит не только ориентир, но и рисунок пути – круги, точно так же, как *петлять* – петля.

(22) *Krążyli po całej dzielnicy, zanim doszli do domu* 'Они кружили (плутали) по всему району, пока не добрались до дому'.

Однако за счет идеи движения кругами класс такого рода употреблений *krążyć* оказывается значительно шире, чем у русского *кружить*, ср. (23):

(23) *Po mieście krążyły patrole wojska* 'По городу ходили (букв. 'кружили') патрульные войска',

а также очень характерное для *krążyć* (24), описывающее абстрактное движение – в данном случае новостей и слухов:

(24) *Jakaś plotka musi jednak krążyć o nas po mieście* 'Все-таки какие-то сплетни о нас, должно быть, ходят (букв. 'кружат') по городу'.

(25) *O panu Małyszku niespodziewanie zaczęły krążyć dziwne opowieści* 'О пане Малыше вдруг стали ходить странные рассказы'.

В обоих случаях вращательный компонент элиминируется полностью, и акцент делается на беспорядочном движении – но, как видим, в польском (в отличие от русского) такое движение может вовсе не иметь точечного ориентира и задаваться только пространственной локализацией, так что удачным переводом на русский в таких случаях будет уже не *кружить*, а глаголы типа *ходить* или *бродить*:

(26) *Dym krążył po całej izbie, wisząc chmurą zwłaszcza w górnej jej części, więc poruszanie się po izbie wymagało postawy pochylonej*. 'Дым шел (букв.: 'кружил') по всей комнате, облаком зависая в ее верхней части, так что движение по комнате требовало наклона' [PWN].

Как мы помним, очень похожий эффект наблюдался с глаголом *kręcić się* когда в переносных значениях он "терял" ориентир вращения и начинал обозначать беспорядочное движение. Обратим внимание, что в переводах на русский эти контексты переводились более "быстрым" *бежать*, тогда как *krążyć*, как мы видели, "довольствуется" *ходить* или *бродить*. Конечно, это обстоятельство не случайно: вращение вокруг внешнего ориентира (обязательное для *krążyć*) увеличивает его радиус, и, тем самым, делает движение более плавным и медленным. Поэтому беспорядочное движение, описываемое глаголом *krążyć*, может быть локализовано в более обширном пространстве, чем то, которое называет *kręcić się*, но при этом оно не такое быстрое, как в случае с *kręcić się*.

5. Глагол *wirować*

Семантические особенности глагола *wirować*, который как будто стоит особняком в группе польских глаголов вращения и не входит в число когнатов для русской группы, можно проследить даже по имеющимся словарным толкованиям. Так, вполне ясное представление о характере движения, подразумеваемом *wirować*, дает [SJPD 1958: 69]: 'очень быстро вращаться вокруг внутренней оси или (о веществе/совокупности объектов) совершать движения так, что результат будет напоминать вихрь или воронку'. В русской языковой картине мира такая ситуация не лексикализуется, и *wirować*, как мы уже говорили, не имеет в ней эквивалентов; обычно он переводится на русский глаголом *крутиться* (обозначающим движение с внутренней осью вращения), который, впрочем, не содержит специального указания на высокую скорость вращения, ср., с одной стороны, примеры типа *пластинка медленно крутилась*, а с другой, перевод следующих польских примеров:

(1) *Przebiera nimi na drewnianym kręgu, wprawiając go w ruch, a gdy silnik zaskoczy i krąg wiruje jak szalony – ręce wkłada do miski z wodą, odrywa od bryły gliny wygnięcionej jak ciasto, mięsisty kęs; taki w sam raz na dzbanek* 'Он перебирает ими на деревянном круге, приводя его в движение, а когда мотор заработает и круг закрутится как бе-

шенный – он кладет руки в миску с водой, отрывает от кома глины, вымешанной как тесто, мясистый кусок, в самый раз для кувшина’.

(2) *Pomiary wykonane dzięki obserwacji teleskopu Hubble’a dowodzą, że dysk wiruje z dużą prędkością wokół czarnej dziury.* ‘Измерения, совершенные благодаря наблюдениям с телескопа Хаббла, говорят, что диск с большой скоростью **крутится** вокруг черной дыры’.

(3) *Technika rozwija się bardzo szybko. Standardowy CD-ROM wiruje z szybkością od 240 do 1170 obr./min* ‘Техника развивается очень быстро. Стандартный CD-ROM **крутится** со скоростью от 240 до 1170 об/мин’.

Таким образом, несмотря на отсутствие в русском самого параметра скорости, *wirować* явно соотносится именно с *крутиться*, а не каким-то другим русским глаголом. Косвенным подтверждением этому служит то, что в переносных употреблении *wirować* тоже “захватывает” зону действия *крутиться*, ср.:

(4) *Tyle pytań wiruje mi w głowie.* ‘Столько вопросов **крутится** у него в голове...’

Таким образом, в эти ситуации, связанные с воображаемым движением мыслей, слов, имен, вопросов и проч., как бы следующих по кругу – уходящих из памяти, и потом возвращающихся по очереди, – польский, по сравнению с русским, “добавляет” скорости. Интересно, что именно *wirować* используется в польском и при обозначении другой группы ситуаций, тоже связанных с воображаемым вращением мыслительных представлений, – там, где в русском используется еще более “медленный”, чем *крутиться*, глагол *кружиться*:

(5) *Mam okropny ból głowy: trzęsie mną, a czasami wszystko wiruje* ‘У меня ужасно болит голова, меня знобит, а иногда перед глазами все **кружится**’.

6. Системы вращения и типологически релевантные параметры

Подведем некоторые итоги.

Имеются две системы глаголов вращения в близкородственных языках – русском и польском. Одно и то же семантическое поле членится практически одним и тем же (если не считать глагола *wirować*) набором фонетически близких глагольных когнатов; семантически же это членение не совпадает ни на каком участке семантического поля.

Вот что предлагает русский:

крутиться – контролируемое или управляемое вращение тел, имеющих собственную (внутреннюю) ось, число оборотов не важно;

вертеться – неконтролируемое и неупорядоченное (возможно – в разные стороны) вращение субъекта вокруг собственной оси;

вращаться – равномерное круговое движение с большим числом оборотов вокруг собственной или внешней оси;

кружить – круговые движения над находящимся внизу на большом расстоянии ориентиром;

кружиться – поступательное движение, сопровождаемое вращательным.

Иная картина в польском:

kręcić się – вращение вокруг собственной или внешней оси, закручивание длинных гибких объектов (таких как волосы, дорога);

wiercić się – вращение человека вокруг себя в разных направлениях;

obracać się – вращение вокруг собственной оси, с различными оборотами вращения;

krążyć – вращение вокруг внешнего ориентира, на расстоянии от него, в том числе на расстоянии по вертикальной оси (т.е. над ним);

wirować – очень быстрое вращение вокруг внутренней оси, напоминающее вихрь или воронку.

Попробуем оценить принципиальные различия этих систем.

Во-первых, языки по-разному определяют семантические приоритеты для когнатов (например, для *kręcić się* возможна только внутренняя ось вращения, а для его когната *obracać się* и внутренняя, и внешняя; наоборот, русское *вращаться* безразлично к этому противопоставлению, а близкое ему польское *obracać się* выбирает только внутреннюю ось).

Во-вторых, они выделяют разные параметры: например, в польском важна скорость движения – не очень высокая для *obracać się* и очень высокая для *wirować*, а для русских глаголов вращения скорость не релевантна, зато существенно противопоставление по управляемости (*крутиться*) – неуправляемости (*вертеться*).

В-третьих, они по-разному комбинируют смыслы внутри лексемы, "захватывая" разные дополнительные участки семантического поля, и даже соседних полей. Примером может служить любая пара когнатов. Так, в паре *кружить* – *krążyć* русский глагол предполагает дистанцию между субъектом вращения и ориентиром по вертикальной оси (ориентир находится под вращающимся субъектом), а *krążyć* считает эту ситуацию подтипом более общей: вращения вокруг внешнего ориентира, в том числе и в одной с ним плоскости. Русский такого расширения не приемлет и, более того, "не умеет" его выразить лексически внутри поля глаголов вращения, – он "прибегает к помощи" специальных сочетаний с другими глаголами движения (типа *ходить по кругу*).

В-четвертых, даже сходные на первый взгляд переносные значения глаголов при ближайшем рассмотрении довольно серьезно различаются. Польский демонстрирует возможность глаголов в переносных значениях "терять" ориентир вращения, и за счет этого расширять свою семантику. Таким образом различаются *kręcić się* и *крутиться/вертеться* в значении неупорядоченного движения: *крутиться* и *вертеться* в этом случае обозначают движение вблизи некоторого ориентира (первое – целенаправленно, а второе – нет), тогда как *kręcić się* может "терять ориентир" и обозначать неупорядоченное движение в определенном пространстве (т.е. ситуацию, которая в русском обозначается глаголом *бегать <по>*). Очень похожее распределение в переносных значениях в паре *кружить* – *krążyć*: русский глагол ориентирует неупорядоченное движение с помощью некоторого (обычно – искомого) пункта, точки в пространстве, выполняющей роль оси вращения, а польский, обозначая эти ситуации как *krążyć*, "разрешает" этому глаголу "терять" ось, и тогда он называет неупорядоченное движение по определенной местности (т.е. опять ситуацию, исключенную из зоны действия глаголов вращения для русского).

Все это означает, что, по сути дела, мы можем и "забыть" о генетическом родстве польского и русского, занимаясь семантикой глаголов вращения. Оба языка обнаруживают чрезвычайную степень сложности этого поля и плохую предсказуемость релевантных для естественного языка параметров. Тем более интересно обозначить те параметры, значимые с типологической точки зрения, которые можно выделить уже на этом материале. Мы можем сказать, что естественный язык выделяет и различает по крайней мере следующие типы пространственных ситуаций вращения:

- вращение человека на месте (польский)¹⁶;
- вращение (прежде всего, артефакта) вокруг собственной оси – колесо, флюгер (польский, русский);

¹⁶ Безусловно, релевантной для общей панорамы противопоставлений в зоне вращения с типологической точки зрения будет и вращение головы человека – то, что в русском называется глаголом (тоже вращения) *обернуться*. Как уже было сказано, в этой работе он исключен из рассмотрения только по соображениям внешнего порядка.

- расположение (или поворот) длинного гибкого предмета вокруг воображаемой оси – волосы, дорога (польский);
- вращение предмета вокруг внешнего ориентира, находящегося с ним в одной плоскости – лодка вокруг острова (польский);
- вращение над внешним ориентиром – ястреб, ищущий добычу (русский, польский);
- поступательное движение, сопровождающееся вращением – танцующие пары, листья, снег (русский).

Кроме того, можно выделить и абстрактные параметры ситуации вращения, так или иначе влияющие на концептуализацию такого движения в польском или русском:

- управляемость/неуправляемость (русский: *крутиться* – *вертеться*);
- небыстрое равномерное "механическое" движение (русский: *вращаться*);
- быстрое закручивающееся вихреобразное движение (польский: *wirować*);
- движение в один оборот или измеряемое одним оборотом (представлено, скорее, в польском, глаголом *obracać się*, но он объединяет такое движение с другими ситуациями).

Мы уже говорили, что поле вращения не имеет никакой естественной, предсказуемой структуры и с этой точки зрения, по-видимому, никогда лингвистами не изучалось. Этот перечень, с нашей точки зрения, дает первоначальный материал для возможной типологической анкеты, которая бы в будущем определила ход такого исследования.

Остается вопрос о том, как составлять такую анкету, т.е. как пользоваться выделенными нами параметрами. Легко видеть, что говоря о "параметрах" ситуации вращения, слишком сложно организованной и семантически, и пространственно, невозможно апеллировать к понятиям, выработанным в рамках теории компонентного анализа: тот тип языкового материала, который был нами рассмотрен, ясно показывает невозможность построения в этой зоне никакой простейшей двумерной признаковой таблицы, заполненной плюсами и минусами. Действительно, в зоне вращения значения релевантных параметров настолько тесно связаны друг с другом, что их почти невозможно отделить друг от друга, и это, как нам кажется, тоже следует из разобранных в этой статье материалов. Значит, базу анкеты должны в этом случае составлять не параметры как таковые, а простые примеры пространственных ситуаций, характерных для данной культуры.

Еще раз обратим внимание, что этот первоначальный материал получен из генетически родственных языков, структурирующих поле вращения с помощью легко узнаваемых когнатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Дыбо 1996 – А.В. Дыбо. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996.
- Зализняк 2001 – Анна А. Зализняк. Семантическая деривация в синхронии и диахронии // ВЯ. 2001. № 2.
- Кибрик 1992 – А.Е. Кибрик. Типология родственных языков: синхрония и эволюция // Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. М., 1992.
- Копчевская, Рахилина 1999 – М. Копчевская-Тамм, Е.В. Рахилина. С самыми теплыми чувствами (по горячим следам Стокгольмской экспедиции) // Типология и теория языка: От описания к объяснению. К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Майсак, Рахилина 2003 – Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина. Типология систем глагольной лексики: движение в воде // Материалы конференции "Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие". СПб., 2003.

- Рахилина 2000 – *Е.В. Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Рахилина, Лемменс 2003 – *Е.В. Рахилина, М. Лемменс*. Русистика и типология: лексическая семантика глаголов со значением 'сидеть' в русском и нидерландском // *RLing* (в печати).
- Шмелев 2002 – *А.Д. Шмелев*. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Berlin, Kay 1969 – *B. Berlin, P. Kay*. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley, 1969.
- Bojar 1979 – *B. Bojar*. Opis semantyczny czasownikow ruchu oraz pojęć związanych z ruchem. Warszawa, 1979.
- Bybee 1985 – *J.L. Bybee*. Morphology: A study of the relation between meaning and form. Amsterdam, 1985.
- Bybee et al. 1994 – *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Grzegorzczkova 1997 – *R. Grzegorzczkova*. Projekt syntezy badań porównawczych w zakresie nazw wymiarów // *B. Nilsson, E. Teodorowicz-Hellman* (eds.). Nazwy barw i wymiarów – Colour and measure terms. Stockholm, 1997.
- Grzegorzczkova, Waszakowa 2000 – *R. Grzegorzczkova, K. Waszakowa*. Studia z semantyki porównawczej (nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne). Warszawa, 2000.
- Kibrik 1998 – *A.E. Kibrik*. Does intragenetic typology make sense? // *W. Boeder et al.* (eds.), Sprache im Raum und Zeit: in memoriam Johannes Bechert. Bd. 2: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft. Tübingen, 1998.
- Newman 1997 – *J. Newman* (ed.). The linguistics of giving. Amsterdam, 1997.
- Newman 2002 – *J. Newman* (ed.). The linguistics of sitting, standing and lying. Amsterdam, 2002.
- Wierzbicka 1991 – *A. Wierzbicka*. Cross-cultural pragmatics: the semantics of human interaction. Berlin, 1991.
- Wierzbicka 1992 – *A. Wierzbicka*. Semantics, culture and cognition: universal human concepts in culture-specific configurations. New York, 1992.

СЛОВАРИ

- MAC – *А.П. Евгеньева* (ред.). Словарь русского языка: В 4-х томах. М.
- SJPD 1958–1969: Słownik języka polskiego. (10 tt.) / Red. nac. Witold Doroszewski. Warszawa: PWN, 1958–1969.
- SJPSz 1995: Słownik języka polskiego PWN / Red. nac. mieczysław Szymczak. Warszawa, 1995.
- PSJP: Podręczny słownik języka polskiego / Red. Tomu Elzbieta Sobol. Warszawa, 1996.